

Доктор философских наук, профессор **Круглова Л.К.**

Культура как ресурс национальной безопасности.

Среди ресурсов национальной безопасности обычно называют высокий уровень экономического развития, полезные ископаемые, состояние военно-промышленного комплекса и прочие действительно важные моменты, имеющие прямое и непосредственное отношение к безопасности. Культура рассматривается при этом как некое украшение, которое можно будет себе позволить, когда всё остальное будет успешно завершено. Между тем, это глубокое и опасное заблуждение. Для того чтобы это доказать, необходимо погрузиться в теорию, поскольку публицистические наскоки здесь мало что дадут, сколь бы лихими они ни были.

Самым трудным барьером, который предстоит преодолеть на пути теоретического осмысления заявленной выше проблемы, является ответ на вопрос, что есть культура.

Общеизвестно, что в мировой литературе существует несколько сотен определений культуры, что легко объясняется многомерностью самого феномена. Однако эта утешительная мысль мало помогает, когда речь заходит о необходимости работать с понятием культуры, выстраивать сложные теоретические конструкции, которые закладываются в основание любого социально значимого проекта. Поэтому необходимы некие селективные принципы, которые позволили бы отсеять мало продуктивные определения культуры, пригодные лишь на потребу интеллектуальным гурманам.

Одним из важнейших критериев отбора «работающих» определений является, как известно, критерий широты охвата «поля» определяемого феномена и глубины постижения его сущности.

Рассматривая с этой точки зрения основные подходы к пониманию культуры, нельзя не отметить, что при всём их разнообразии лишь немногие из них соответствуют названному выше критерию.

Так, одним из них является «эвристический» подход, согласно которому сущность культуры усматривается в творчестве и, следовательно, в свободе. Совершенно очевидно, что в этой концепции подчёркивается очень важная, действительно существенная сторона культуры. С этой точки зрения уже открывается выход на проблему национальной безопасности, поскольку, двигаясь в этом направлении, можно выстроить следующую логическую цепочку: чем в большей мере культура стимулирует творчество во всех его видах, тем больше богатство общества и, следовательно, тем выше гарантии его безопасности.

Однако эвристическая концепция отсекает от культуры не менее существенную её часть, чем творчество. А именно: она не принимает во внимание необходимость усвоения и повторения ранее «пройденного», без чего культура так же невозможна, как и без творчества.

Другой весьма влиятельной концепцией является аксиологическая, согласно которой культура есть совокупность духовных и материальных ценностей. Этот подход позволяет увидеть и определить само «вещество», из которого состоит культура, её субстрат, каковым действительно являются ценности. С этой точки зрения также открывается выход на проблему национальной безопасности, поскольку, чем больше ценностей накопила культура, тем легче решаются проблемы безопасности. Однако с аксиологической точки зрения не просматриваются движущие силы развития культуры, нет ответа на вопрос кто, когда, где и, главное, зачем производит ценности, по каким законам выстраивается их иерархия.

Не менее влиятельной, чем аксиологическая, является семиотическая концепция. В соответствии с нею культура есть система знаков, искусственно созданная человеком реальность. Здесь очень точно схвачен важнейший момент культуры – форма её бытования, каковой действительно являются системы знаков, кодов, шифров, в которые «укутано» всё содержание культуры. Однако, вопросы, возникшие в связи с аксиологическим подходом, остаются неразрешёнными и в рамках семиотического подхода.

Более широкие возможности в этом отношении открывает «человечески-деятельностный» подход, с позиций которого культура трактуется как совокупность способов и результатов человеческой деятельности. В этом случае на сцене появляется человек как творец культуры. Однако, вопрос, зачем он это делает, остаётся всё-таки без ответа.

Казалось бы, разрешение этой проблемы возможно в рамках функционального подхода, сторонники которого трактуют культуру как внебиологически выработанный способ человеческой жизнедеятельности. С этой точки зрения культура противостоит процессам дезорганизации, способствует интеграции жизни социума, т.е. выполняет витальные функции. Однако в этом случае остаётся не проясненным вопрос, как именно делает это культура.

Ситуацию кардинально меняет антропологический подход с его фундаментальным положением о культуре как способе саморазвития человека. Уже в этом, предельно кратком определении заключён ответ на вопрос о главном предназначении культуры, каковым является творение человека. Одновременно здесь содержится и указание на социальные функции культуры, поскольку общество – это, прежде всего люди, связанные между собой системой определённых отношений. С этой точки зрения у него нет иного пути для самосохранения и развития, кроме как совершенствование человека, т.е. развитие культуры.

С позиций антропологического принципа открывается прямой выход на проблемы национальной безопасности, поскольку становится очевидным,

что она напрямую зависит от степени и уровня развития культуры, т.е. человека, т.е. людей, живущих в данном обществе.

Ещё более явно связь с проблемой безопасности демонстрирует развёрнутое определение культуры, которое можно дать с позиций антропологического подхода: «Культура — это исторически определенная система способов и результатов развития сущностных сил человека, функционирующая в целях удовлетворения потребностей общества, отдельных социальных групп и личности»¹.

При этом следует отметить, что антропологический подход не отрицает ни одного из названных выше других основных подходов к определению культуры. Его содержание и смысл позволяет включить в него содержание и смысл других подходов как существенное дополнение. Так, полностью согласуясь со смыслом эвристического подхода, трактующего культуру как творчество, антропологический подход позволяет рассматривать в качестве культурных феноменов также репродуктивную деятельность, то есть повторение, усвоение, использование ранее созданного, сотворённого.

Отношения взаимодополнения связывают антропологический подход и с аксиологическим подходом, трактующим культуру как совокупность ценностей. Именно антропологический подход позволяет ответить на вопрос, неразрешимый с позиций аксиологического подхода, а именно: как и в зависимости от чего, формируются системы ценностей, характерные для той или иной культуры. С позиций антропологического подхода основное содержание и смысл ценностей любой культуры формируется в зависимости от того, какие человеческие качества признаются наиболее важными и нужными тому или иному обществу.

Особенно часто антропологическому подходу противопоставляется семиотический подход, трактующий культуру как совокупность знаков, символов, кодов, шифров. Однако и здесь мы увидим не отношение взаимоиисключения, а отношение взаимодополнения.

Познавательная ценность семиотического подхода заключается в том, что он обращает внимание на знаково-символическую форму, в которую облекается содержание ценностей той или иной культуры. Однако, основания, в соответствии с которыми формируется и изменяется это содержание, остаются с точки зрения семиотического подхода вне зоны видимости. На эти вопросы отвечает антропологический подход, о чем речь шла ранее.

Связь между антропологическим подходом и технологическим, трактующим культуру как совокупность способов и результатов человеческой деятельности, более очевидна, чем со всеми остальными. Действительно и там, и там, речь идет о человеке. Однако, технологический подход оставляет без ответа вопрос о конечной и высшей цели человеческой деятельности, тогда как с точки зрения антропологического подхода

¹ Круглова Л.К. Культурология. СПб, 2008, с.155

становится ясным, что конечной и высшей целью человеческой деятельности является развитие самого человека.

И, наконец, в дополнение к функциональному подходу, выявляющему витальные, жизнеобеспечивающие функции культуры, антропологический подход позволяет показать, что культура выполняет эти свои функции только одним способом – развивая человека, формируя в нем определенные черты, качества, свойства, вырабатывая в нем способность создавать новое и в то же время пользоваться опытом, накопленным предшествующими поколениями.

Однако всё сказанное выше останется художественно-публицистическим, а не научным текстом, если не ответить на вопрос, что и как развивает в человеке культура.

Казалось бы, ответ лежит на поверхности: культура развивает способности, потребности, интересы человека, снабжает его знаниями, умениями, навыками. Всё это объединяется в понятие «сущностные силы человека» и, чем выше уровень их развития, тем богаче общество.

Однако, понятия «способности», «потребности», «интересы», «навыки», «знания», «умения» настолько широки по своему объёму, что с их помощью выйти на какую-либо конкретику и, тем более, на практику, вряд ли возможно. Очевидно, что нужна некая категориальная сетка, с помощью которой можно было бы упорядочить и структурировать аморфный исследовательский материал. Как сплести эту сетку? Один из возможных путей - это оттолкнуться от идеи двойственности человека. Так, человек представляет собой единство различных противоположных начал. Это: "телесное" и "духовное" ("тело" и "дух"), "объектное" и "субъектное" ("тварное" и "творческое"), "биологическое" и "социальное" ("животное" и "личность"), "индивидуальное" и "универсальное" ("я" и "универсум"; "я" и "род"), "общественное" и "личное" ("наше" и "мое"), "рациональное" и "эмоциональное" ("ум" и "сердце").

Каждая из этих категорий обозначает сущностное свойство ("силу") человека, находящееся в отношениях противоречия с другим, ему противоположным. Каждое конкретное общество, на каждом конкретном этапе своего развития имеет определенные потребности и возможности развития сущностных сил человека. В соответствии с этим оно, используя механизмы культуры, стимулирует одни, блокирует другие, вызывает к жизни те, которых не существовало ранее. Этот ансамбль сущностных сил человека, которые культивируются на том или ином этапе социокультурного развития, есть не что иное, как антропологическая структура культуры.

Таким образом, концепт «антропологическая структура культуры», позволяет понять, на какой тип человека «нацелена» та или иная культура, какие человеческие качества она развивает, на какие смотрит неодобрительно, а какие и вовсе не могут развиваться в её рамках.

Однако, общество не есть аморфная масса, оно структурировано, то есть состоит из отдельных социальных групп. Каждая из них имеет определённые функции и определённые связи с другими группами.

В соответствии с этим, требования, предъявляемые культурой к тем или иным социальным группам, различаются между собой. Однако, в каждом обществе есть некая эталонная группа, члены которой призваны демонстрировать образец культурного поведения, т.е. выполнять требования той или иной культуры «по полной программе». В России эту миссию добровольно возложила на себя интеллигенция, которая в настоящее время находится в явном затруднении, не имея чёткого коллективного представления, какого рода образец она должна демонстрировать в качестве эталонного. Это является одной из сторон той драматической ситуации, в которой находится современная российская культура.

Её теоретическому осмыслению, в целях практического применения, как представляется, может содействовать концепт «антропологическая структура культуры», о котором речь шла выше.

Двигаясь в русле его содержания, нужно в первую очередь отметить, что для российской культуры характерен повышенный интерес к сущностным силам человека, обозначаемым категориями «личное»-«общественное» с упором на вторую часть этой диады. Отсюда общекультурный статус таких понятий как «соборность», «община» и «общинность». Отсюда же – большая распространённость в речевом общении местоимений «мы» и «наше» и меньшая – «я» и «моё». Эта культурная парадигма выражена словами известных песен «жила бы страна родная, и нету других забот», «наш адрес - не дом и не улица, наш адрес – Советский Союз», «сегодня не личное главное, а будни рабочего дня» и т.п.

Однако, «мы» и «наше» без «я» и «моё» неполноценны. Отсюда - непроявленность в русском национальном характере чувства хозяина, без которого всякая деятельность лишается своей энергетической основы.

Начиная с 60-х годов, в нашей культуре ясно обозначилась тенденция к реабилитации всего, связанного с личными интересами. В годы перестройки и в постперестроечный период она достигла своего максимального развития. Однако, в результате оказались полностью обесценены общественные идеалы. Такая ситуация таит в себе смертельную опасность для общества, поскольку главным условием его жизнеспособности является единство, обеспеченное осознанием общих интересов.

Задача настоящего периода, конечно, не в том, чтобы искусственно гальванизировать идеалы самоотречения и на этой зыбкой основе пытаться возвеличить общественные интересы. Необходимо способствовать росту активности личности в достижении как идеалов личного счастья, так и общественного благополучия.

Не менее выразительно разрешается в русской культуре и антропологическое противоречие между сущностными силами человека, обозначаемыми категориями «индивидуальное» - «универсальное». Общеизвестны и общезначимы такие характеристики русского человека как его «всечеловечность», «всемирность», «космичность». При этом озабоченность личности различными способами предъявления своей

индивидуальности, непохожести неизменно встречала настороженное, прохладное отношение. В результате одной из главных причин негативных процессов, происходящих сейчас в нашей стране, является дефицит ярких индивидуальностей.

Самый плодотворный путь развития индивидуальности – это приобщение к достижениям мировой культуры. В самом деле, индивидуальность человека имеет множество проявлений – от внешнего облика до убеждений; его универсальность – это совокупность знаний и умений, разносторонность деятельности. Вполне понятно, что первая величина (индивидуальность) находится в прямой пропорциональной зависимости от второй (универсальность).

Особенность современного этапа развития культуры заключается в том, что человек впервые в истории получил реальную возможность расширить границы своей универсальности до общечеловеческих масштабов.

В последнее время в проблематику “индивидуальное” – “универсальное” активно вторгается тема патриотизма². При этом одни считают, что патриотизм – это атавизм, пережиток, мешающий человеку подняться до высот всечеловеческого, универсального, другие же, напротив, полагают, что патриотизм – непреходящая ценность, а общечеловеческое, в том числе и общечеловеческие ценности, – это в лучшем случае фантом, а в худшем – злобная выдумка, цель которой – покушение на суверенитет тех стран, народов, культур, которые по недомыслию присоединятся к идеям «общечеловеков».

Между тем патриотизм как чувство любви к своей Родине не только не мешает, но, напротив, способствует признанию общечеловеческих ценностей и включению человека в контекст универсального, общечеловеческого, поскольку помогает понять другого человека, испытывающего чувства любви к своей Родине, к своему народу. В равной степени способствует этому и другая ипостась патриотизма – патриотизм как деятельность, направленная на благо своей страны. Такой патриотизм направлен на увеличение того вклада, который вносит та или иная страна в развитие человечества и тем самым делает человека участником общемировых процессов. Исходя из этого, можно рассматривать патриотизм и как универсальную ценность глобальной культуры, и как богатейший ресурс национальной безопасности, поскольку он является мощным источником социальной энергетики, т.е. энергоресурсом особого рода.

Антропологическое противоречие, обозначаемое категориями «субъектное» – «объектное» разрешалось в русской культуре в пользу «объектного». Отсюда – культивирование таких человеческих качеств как покорность, смирение, безответность и т.п. При этом другая ипостась

² См. об этом: Круглова Л.К. Патриотизм как универсальная ценность глобальной культуры.// Гуманитарные практики в современном социуме: модернизация и глобализация. Сб. научных трудов. – СПб.; Изд-во Политехн.Ун-та, 2011

объектности в виде таких её проявлений как дисциплинированность, организованность не получала достаточной положительной санкции.

Социокультурная ситуация в России 90-х годов XX века буквально развязала человеческую субъектность, которая, будучи оставлена “без руля и без ветрил” зачастую принимала уродливые формы. Полученной свободой ловко воспользовались воры, бандиты, рвачи, мздоимцы, коррупционеры всех мастей. Кроме того, весьма активно повели себя люди, не имеющие таланта, способностей и навыков к созидательной деятельности и потому облакавшие и облакающие свою субъектность в форму разрушения, низвержения, уничижительной критики всего и вся.

В то же время «человек массы» в своем собственном сознании представляет себя в основном как “объект” различного рода внешних воздействий и ведет себя соответствующим образом: не проявляет инициативы, в решении всех проблем, в том числе личных, ожидает помощи со стороны, излишне большие надежды возлагает на программирующую деятельность государственных органов.

Таким образом, налицо некоторая “субъектная ущербность” российского человека в постперестроечной России. С одной стороны, она проявляется в широком использовании антиобщественных форм субъектности, а с другой – в недостатке инициативы, в боязни взять на себя ответственность, недоверии к новизне и т.д.

И здесь можно поспорить с профессором Лоуренсом Харрисоном, одним из авторов концепции «культура имеет значение». Л. Харрисон видит одну из главных характеристик сложившейся в России социокультурной ситуации в отсутствии свободы. «Ваша страна не свободна, большая часть СМИ зависят от государства»³, - говорит он в интервью журналу Новое время (The News Times). Видимо, проф. Харрисон располагает не вполне достоверной информацией, поскольку, как представляется, на самом деле свободы у нас достаточно, не хватает умения или желания пользоваться ею. Что касается СМИ, то они зачастую как раз и являют пример злоупотребления свободой.

Однако, вместе с тем, нельзя не согласиться с проф. Харрисоном в главном. Успех страны в экономическом развитии, полагает он, базируется на поощрении труда, культа успеха, экономности⁴. Обращает на себя внимание, что проф. Харрисон выдвигает на первое место труд и лишь на второе место – успех. То есть речь идет не об успехе как таковом и достигнутом любой ценой, а об успехе как результате труда. Вот это и есть, как представляется, формула новой субъектности - созидательный творческий труд как основа и залог жизненного успеха.

Экономность тоже может быть включена в формулу субъектности, поскольку она демонстрирует способность к самоограничению, т.е.

³ Лоуренс Харрисон: «Почему в одних странах счастье есть, а в других его нет?», <http://newtimes.ru/articles/print/2795>, 05.07/2010

⁴ Там же.

способность быть властителем собственных желаний. К тому же надо добавить, что человек, добившийся успеха собственным трудом, не нуждается в демонстрации внешних признаков успеха – яхт, вилл, бриллиантов и т.п. Расточительность – это черная метка тех людей, которые завладели богатством нетрудовым путем.

Новые требования предъявляет современность и к способности человека быть не только источником активных действий, т.е. субъектом, но и к его способности быть пластичным объектом внешних воздействий – закона, государственного регулирования, элементарных правил поведения.

Отсутствие этих свойств в поведении людей есть серьезная угроза национальной безопасности, поскольку порождает анархию, дезинтеграцию и, в конечном счёте, деградацию общества.

Соответственно, одна из задач культуры на современном этапе заключается в том, чтобы диалектически синтезировать противоположности объектного и субъектного в человеке. Наиболее полное выражение они находят в таких личностных свойствах как инициатива и ответственность (субъектность) и дисциплина (объектность).

Соотношение биологического и социального в человеке русская культура решала в стиле стыдливого умолчания о животной, звериной стороне человеческого существа. О ней знали, но предпочитали не говорить, а если говорить, то не называть вещи своими именами. Обратной стороной этой стыдливости было пренебрежение ко всему, что связано с отправлением физиологических потребностей, начиная с туалетов и заканчивая спальнями. Однако, современная реклама средств гигиены, в какой-то мере способствуя реабилитации всего природного в человеке, тем не менее, своей беззастенчивостью и явной связью с чьими-то корыстными интересами, вызывает у многих наших соотечественников культурный шок. Аналогичную реакцию вызывает и разнузданная апологетика сексуальности, преподносимой зачастую в качестве основного и безусловного критерия ценности или, уж во всяком случае, привлекательности того или иного человека. Вредоносность этой ситуации заключается в том, что она порождает ценностный хаос и, как следствие, деструкцию личности. Очевидно, что воспитание уважения ко всему природному в человеке должно осуществляться другими, более адекватными нашей культуре средствами.

Противоречие духовного и телесного в человеке всегда разрешалось в русской культуре на основе принципа примата духовного, что, однако, не было связано с крайними формами пренебрежения к телу. Совершенно очевидно, что провозглашение здорового и красивого тела в качестве важнейшей ценности имеет отношение к культуре национальной безопасности.

Характерные национальные особенности имеют способы культивирования в русской культуре сущностных сил человека, обозначаемых категориями «рациональное» - «эмоциональное».

Так, научный, художественный и обыденный уровни сознания имеют в качестве некоей константы признание «душевности» русского человека, культивируемой вопреки его рациональности. В связи с этим уместно ответить на вопрос, что есть рациональность. При культурологическом подходе, что подразумевает понимание рациональности как одной из сторон человеческой деятельности, в это понятие включается не только умение мыслить, но и умение действовать в соответствии с поставленными целями.

В соответствии с этим происхождение знаменитой формулы российской рациональности – «хотели как лучше, получилось как всегда» - следует связывать не с избытком душевности в русском менталитете, а с недостатком рациональности: неумением чётко формулировать цели, выбирать средства их достижения, правильно оценивать причины неудач и т.п.

При этом нельзя не отметить, что феномен рациональности имеет не только национальные, но и исторические модификации, что необходимо учитывать, когда речь идёт о необходимости заимствования чужого опыта.

В связи с этим особенно важно проанализировать характерные черты того типа рациональности, который господствует ныне на Западе. Макс Вебер определил её как «формальную рациональность».

Важнейший её признак - отчужденный характер целеполагания. Отсюда - ограниченность ценностного горизонта всех ее "этажей":- при выборе целей и средств деятельности, оценке её конечных результатов главным является критерий ограниченно понимаемой полезности.

В связи с изложенным выше становится ясным, сколь неперспективны попытки насадить в нашей культуре именно и исключительно формальную рациональность. Другое дело, что и формальной рациональности, т.е. элементарного умения формулировать цели, выбирать адекватные средства и умело действовать в направлении выбранных целей, в нашей культуре недостаточно. Однако, работа по ликвидации безграмотности в этом направлении должна сочетаться с пониманием исторической ограниченности формальной рациональности. И уж конечно рационализация ни в коем случае не должна приводить к оскудению душевности, являющейся великим богатством русской культуры.

Итак, решение теоретических вопросов о сущности культуры и её антропологической структуре, т.е., иначе говоря, её человеческом измерении, позволяет определить главные целевые ориентиры развития культуры. Если это не сделано, то социум оказывается во власти стихийных сил, развитие принимает болезненный, зигзагообразный, чреватый катастрофами характер.

Ещё хуже обстоит дело в том случае, когда ориентиры определены чётко, но неправильно, без учёта исторического опыта, традиций, реалий настоящего. В результате культура уподобляется ракете, в которую введена неверная программа. Такая ракета, как известно, может бить по своим.

Так каковы же параметры антропологической структуры культуры, которые позволили бы ей стать достаточно надёжным фактором национальной безопасности?

Отвечая на этот вопрос, в первую очередь надо отметить, что динамичное развитие общества и наиболее полное удовлетворение потребностей личности возможно за счёт всемерного культивирования человеческого свойства быть субъектом и, в первую очередь, в таком его проявлении как способность к активным новаторским действиям. Вместе с тем необходимо развивать и совершенствовать способность человека быть дисциплинированным и исполнительным. Не менее сложна проблема гармонизации личных и общественных начал в жизни человека, находящих своё выражение, в частности, в таких социально-психологических феноменах как чувство хозяина и чувство общности. Настоятельной необходимостью следует считать также возведение в ранг общекультурной ценности яркой человеческой индивидуальности, которая может быть возвращена только через приобщение личности к высшим достижениям мировой культуры. В гармонизации нуждается и человеческая духовность, в частности, рациональные и эмоциональные её компоненты. Наряду с духовным богатством гуманистический идеал включает в себя и физическое совершенство.

Таким образом, главным условием национальной безопасности России является развитие человека во всей полноте, разнообразии и единстве его сущностных сил. На это должна работать культура в целом и каждая из её сфер в отдельности.

Представляется, что наиболее близко к проблемному полю безопасности в настоящее время находится религия; это связано не только с угрозой межрелигиозных конфликтов, но и с ожесточенными спорами по поводу того, какое место занимает и должна занимать в современной культуре религия. На этот счет существует широкий спектр мнений: от утверждений, что религия играет в современной культуре ничтожную роль, и её вес должен быть максимально увеличен, до утверждения, что религия играет слишком большую и не всегда благотворную роль, и задача заключается в том, чтобы несколько потеснить её. И здесь опять можно поспорить с проф. Л. Харрисоном, который в уже упомянутом интервью журналу «Новое время» утверждал, что в России «неоправданно сильным влиянием обладает церковь и это влияние распространяется как на граждан, так и на государство»⁵. Это, по мнению проф. Харрисона, является одной из тех культурных традиций, которые тянут граждан и страну в целом назад. По всей видимости, здесь опять-таки сказывается недостаток информации, которой располагает проф. Харрисон. На самом деле, как представляется, избытка влияния религии и церкви как её института в России нет. Более того, можно утверждать, что в России сейчас религия занимает то место, которое

⁵ Лоуренс Харрисон: «Почему в одних странах счастье есть, а в других его нет?», <http://newtimes.ru/articles/print/2795>, 05.07/2010

она и должна занимать. Речь идет о том, что в настоящее время в России наблюдается достаточно уважительное отношение ко всем конфессиям, то есть к религии как таковой. Это вполне соответствует теоретическим представлениям о тех функциях, которые может и должна выполнять религия в современной культуре. Важнейшая из них – мировоззренческая. Об этом превосходно сказано А. Тойнби, который понимал религию как «отношение к жизни, которое создает возможность людям справиться с трудностями человеческого бытия, давая духовно удовлетворительные ответы о тайне вселенной и роли в ней человека и предлагая практические предписания относительно жизни во вселенной»⁶.

Так понимаемая религия, согласно Тойнби, - это «одна из неотъемлемых способностей человеческой природы. Когда люди лишены религии, безнадежные духовные обстоятельства, в которых они тогда оказываются, могут побудить их к тому, что они станут извлекать крупинки религиозного утешения из самых дурных пород»⁷.

Высшими религиями, по Тойнби, являются христианство, ислам, индуизм и буддизм в его махаянской интерпретации. Все они, как он полагает, имеют между собой близкое идейное родство, являются четырьмя вариациями на одну и ту же тему⁸.

Однако, как подчеркивает Тойнби, представление о единстве религий было доступно до сих пор лишь редким личностям, тогда как обычный взгляд был прямо противоположным. С официальной точки зрения каждой из высших религий, «тот свет, который сияет через её личное окно, есть единственный и полный свет, а все сестринские религии пребывают в сумерках, если не в полной тьме»⁹. Это «плачевное положение» порождает, согласно Тойнби, очень жесткую альтернативу: «либо различные церкви и религии...будут грызться друг с другом, пока не останется ни одной из них, либо объединившийся человеческий род обретет спасение в религиозном единстве»¹⁰.

Формой этого единства не должна быть, как считает Тойнби, единая вселенская воинствующая церковь, поскольку последняя противоречит идее религиозного единства человечества, по меньшей мере, в трех существенных отношениях. Во-первых, церковь не должна быть институтом, т.к. «плотная институциональная оболочка...несовместима с духовной природой церкви»¹¹. Во-вторых, церковь не должна быть воинствующей, поскольку такой характер деятельности церкви противоречит идее любви, на которой зиждется духовное содержание религии и связанный с ним её интегративный потенциал. Наконец, церковь не должна быть единственной. В этом утверждении Тойнби различает два основных смысла. Во-первых, церковь не

⁶ Диалог Тойнби- Икеда: Человек должен выбирать сам. М., 1998, с 369-370.

⁷ Тойнби А. Исследование истории. В 3-х томах. Т.3. СПб.,2006, с.131

⁸ Там же, с.121.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с.122.

¹¹ Там же, с.149.

должна основываться на одной какой-либо религии, а во-вторых, церковь не должна претендовать на то, чтобы быть единственным средоточием духовной жизни человека и, прежде всего, признать в этом отношении статус и права науки.

Идее единой вселенской воинствующей церкви А.Тойнби противопоставляет идею Града Божия на земле, который представляет собой невиданно широкое объединение людей, связанных между собой стремлением играть свою роль на земле в качестве добровольных помощников бога.

Таким образом, именно в идее Града Божия Тойнби усматривает мощный интегративный потенциал, реализация которого даст возможность объединения человечества на прочной основе, т.е. превращения его в единое мировое сообщество. Этого не может произойти на базе «современной секуляризованной западной цивилизации, которая недавно достигла фактической универсальности в экономическом и техническом планах, не добившись при этом хоть сколько-нибудь сопоставимого успеха в политическом и культурном планах»¹².

На первый взгляд, идея Града Божия как основы для объединения человечества представляется хотя и привлекательной, но чересчур абстрактной и мало пригодной для практического применения. Однако, если вдуматься глубже, мы увидим, что это далеко не так, и что именно практические смыслы этой идеи просматриваются довольно легко. Они заключаются в том, что творческий созидательный труд каждого человека является условием объединения человечества и преодоления вражды, существующей ныне и имеющей зачастую и религиозную подоплеку.

Таким образом, концепция Тойнби оказывается ещё одним вариантом теоретического обоснования идеи о значении созидательного творческого труда и роли религии как той сферы культуры, которая имеет беспрецедентные возможности для превращения этой идеи в общекультурный императив.

Роль религии можно считать беспрецедентной и в другом отношении – как хранительницы традиций, и в первую очередь традиционных норм нравственности. В обществе, устремленном к инновациям, эта функция особенно важна, поскольку позволяет поддерживать должную меру устойчивости, стабильности, что имеет непосредственное отношение к проблеме безопасности.

Однако, вместе с тем, не стоит не только преуменьшать, но и преувеличивать роль религии в современной культуре. Это случается, когда на религию возлагается бремя выполнения всех тех задач, которые в своей совокупности по силам лишь культуре в целом, и в первую очередь её системообразующим сферам - морали, искусству и науке.

Содержание норм и ценностей морали имеет непреходящее значение для любого общества, поскольку оно определяет характер отношений между

¹² Там же, с. 139.

людьми. Значение морали усиливается за счет особенностей её локализации в пространстве культуры: не имея собственной территории, она входит как составная часть во все другие сферы культуры. И, наконец, ещё одно обстоятельство придает морали особый вес в системе культуры: дело в том, что субъектом нравственной деятельности является каждый член общества, независимо от своей социальной принадлежности, уровня духовного развития и других признаков.

Если снять леса теории, выстроенные в предыдущих разделах статьи, то обнажатся несущие конструкции здания морали, соответствующей задачам современной культуры. Важнейшими из них являются идея о необходимости возвести в ранг основного критерия нравственной состоятельности субъекта его умение сочетать свободу в осуществлении своих действий с ответственностью за них, идея о высочайшей моральной ценности созидательного творческого труда, наконец, идея любви как нравственно-этической основы взаимодействия людей и отношения человека к окружающей среде.

Однако как можно преодолеть расстояние между теоретическими представлениями о нормах морали и реальной жизнью, практикой?

Как известно, к числу особенностей морали как сферы культуры относится её слабая институционализация. Поэтому во все времена и у всех народов представления о моральных нормах и ценностях транслировались в реальную жизнь через другие сферы культуры, имеющие мощную институциональную базу. Важнейшим из них была религия, о чём речь шла ранее. Другой сферой, функцией которой являлось формирование морального сознания, была, есть и всегда будет сфера воспитания и образования подрастающего поколения. И, наконец, важнейшей сферой, функция которой давать «зримый образ» человека, каков он есть и каким он должен быть, это искусство. Иначе говоря, специфика искусства заключается в том, что программирующую функцию, которую выполняет вся культура в целом, искусство выполняет только ему присущим способом – через создание художественных образов, через воздействие на эмоциональную компоненту человеческой духовности. Нельзя не вспомнить при этом «наше всё» - А.С. Пушкина. «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал».

Если посмотреть с этой точки зрения на современное искусство, то мы увидим, что его творцы почти поголовно, за немногими исключениями, отказались возбуждать «чувства добрые» и взялись возбуждать «чувства недобрые». При этом деятели современного искусства ссылаются на то, что искусство не может и не должно играть никакой роли, кроме роли «зеркала». А на зеркало, как известно, «неча пенять, коли рожа крива».

На это можно возразить, во-первых, что роль зеркала неправомерно ограничивает потенциал искусства, а во-вторых, что и роль зеркала современное искусство играет неполноценно и неубедительно, показывая лишь одну сторону действительности – тёмную, мрачную, и не обращая

внимания на другую – светлую, радостную, дающую надежду и силы в борьбе со злом.

Искусство публично отказалось от воспитательной функции. Фактически мы сейчас являемся свидетелями акта самоубийства искусства. Но попытка самоубийства не всегда приводит к летальному исходу. Будем надеяться, что это наш случай. Надежда на возрождение искусства связана с приходом в эту сферу таких людей, у которых стремление к самореализации сопряжено с чувством ответственности.

А пока этого не произошло, и чтобы это произошло, нужна прочная опора на культурное наследие. Человечеством накоплены огромные богатства, которым оно может пользоваться и до, и после того как современное искусство найдет какие-то новые формы своего развития.

Другой путь не только сохранения, но и увеличения роли искусства в современной культуре – это всемерное развитие художественного образования как неотъемлемой части общего образования и художественной самодеятельности, непрофессионального искусства всех жанров и видов.

И, наконец, для увеличения удельного веса искусства в современной культуре необходима общественная и государственная поддержка позитивных тенденций в его развитии. Например, в качестве одной из возможных мер можно было бы предложить учреждение премии министерства культуры России за создание образа положительного героя - в литературе, кинематографе, театре, а рамках телевизионных проектов и т.п.

Лидирующую роль в современной культуре играет наука. Связь её с производством, вооружением, а, следовательно, с проблемой безопасности очевидна и не нуждается в подробном обосновании.

Однако именно бурный рост науки настоятельно требует, в целях гармонического развития человека, соответствующей интенсификации развития других сфер культуры. Если наука культивирует человека знающего, рационального, искусство – человека чувствующего, то мораль объединяет все эти сущностные силы в человеке разумном.

Сферой культуры, в которой человекотворческая функция, а через неё и программирующая функции культуры представлены наиболее наглядно, является образование и воспитание. Однако нельзя не отметить, что идущая сейчас в нашей стране реформа образования не имеет чёткой целевой ориентации. Образ человека, формируемого образовательным процессом, размыт и неясен. Между тем, надо отдавать себе отчёт в том, “что образование без образа - это безобразия”. Ликвидации безобразия может способствовать признание в качестве главного целевого ориентира развития сферы образования и воспитания образа гармонически развитого человека. Если перевести на язык обыденной жизни эти теоретические положения, то здесь выяснится удивительная вещь: оказывается, современная глобальная ситуация сделала чрезвычайно востребованными те качества и свойства человека, которые значатся в моральных кодексах всех времён и народов – это трудолюбие и любовь к ближнему. Чрезвычайную актуальность обрело и

так называемое золотое правило нравственности: «Никогда не делай другим того, что ты не хочешь, чтобы сделали тебе». Как считает уже упоминавшийся проф. Л. Харрисон «одно из достижений, в частности, северных обществ, в том, что они смогли создать среду, в которой люди живут по этому правилу»¹³.

В связи с этим возникает вопрос несколько эпатажного свойства: может быть, стоит педагогической науке сосредоточиться на разработке методик воспитания именно этих свойств и именно этих правил поведения. К ним можно было бы добавить ещё желание успеха, но не успеха вообще, а успеха, оцениваемого результатом собственного творческого труда. В сопряжении с таким воспитанием и образование обрело бы черты, соответствующие его сути – создание образа.

Из сфер культуры, которые требуют к себе особого внимания, можно назвать ещё межличностное непосредственное общение. Хочется специально подчеркнуть, что речь идёт именно о непосредственном духовном общении, что особенно важно в настоящее время, когда невиданно возросли масштабы и возможности опосредованного общения – интернет, мобильная связь и т.д. и т.д. В общении удовлетворяется главная потребность человека – потребность в другом человеке. В непосредственном общении эта потребность удовлетворяется самым впечатляющим образом. Развитая сфера общения способствует формированию атмосферы доброжелательности и взаимопонимания, что имеет непосредственное отношение к проблеме безопасности.

Что касается таких важных сфер культуры как политическая культура, культура производства, культура повседневности, то нельзя не признать, что они являются производными от тех сфер культуры, о которых речь шла выше. То же можно сказать об экологической культуре, экономической и других видах культуры, которые не являются самостоятельными сферами культуры, но являются стороной, аспектом различных видов деятельности человека¹⁴. При этом совершенно очевидно, что каждый из названных аспектов и сторон культуры имеет прямое отношение к проблеме безопасности.

Возможности культуры как ресурса национальной безопасности могут быть реализованы только через правильно выстроенную культурную политику.¹⁵ В противном случае любая из сфер культуры может превратиться в зону угроз. В первую очередь это касается религии. Так, навязчивое подчеркивание преимуществ какой-либо конфессии, тем более идущее сверху, не только превращает межрелигиозные отношения в источник

¹³ Ясин Е.Г. Новости – 8 апреля 2009 г. Культура имеет значение. <http://www.nse.ru.org/persons/yasin/news/7075536.html>

¹⁴ См. об этом: Круглова Л.К. Деятельностный срез структуры культуры. // Круглова Л.К. Теория культуры. Ч.2. Функции и структура культуры. Изд.2-е. СПб, 2009, с.201-208.

¹⁵ См. об этом: Круглова Л.К. Антропологический принцип в культурологии как теоретико-методологической основа культурной политики // Альманаха Российского науч.-обр. Культурологического общества "Мир культуры и культурология". Выпуск I. Санкт-Петербург, 2011 г.

конфликтов, но и способствует подрыву авторитета именно пропагандируемой конфессии. С точки зрения безопасности стоит ещё раз проанализировать возможные последствия вводимого сейчас в школах курса «Основы религиозной культуры», преподавание которого предполагает, что родители выбирают, основы какой именно религиозной культуры будет изучать их ребёнок. В результате каждый класс оказывается поделённым на несколько групп, нередко случаи, когда из всего класса только один ребёнок изучает мусульманство, или православие, или иудаизм и т.д. Как нетрудно заметить, таким образом закладывается глубокая основа фрагментации общества, что представляет угрозу его безопасности. Представляется, что в школе надо давать общие сведения о религии и её месте в культуре, о разнообразии религий и необходимости уважения к каждой из них, а приобщение к той или иной конкретной религии – вероятно, будет правильно рассматривать как частное дело каждой семьи. Вместе с тем в школе необходимо преподавание светской этики как обязательного курса, а не курса по выбору, как это имеет место быть в настоящее время. Самым же радикальным и эффективным способом решения этих проблем, как представляется, могло бы явиться введение в школе в качестве обязательного курса культурологии, содержание которого было бы построено вокруг основной стержневой идеи о человеке как творце и творении культуры. В ходе освоения этого курса ученик должен получить знания о роли религии, морали, искусства, науки в системе культуры и в выполнении ею человекотворческих функций, о принципах взаимодействия каждого человека с культурной средой. Важной задачей курса должно стать приобретение учениками умений анализировать социокультурные феномены и их смысл, овладение навыками культурного поведения. Имеющийся сейчас в школьной программе курс «История художественной культуры» эти задачи решать не в состоянии.

Вместе с тем необходимо, как представляется, вернуть курсу культурологии статус обязательного и в вузовских программах, как это было некоторое время в 90-е годы. Вузовский курс должен отличаться от школьного большей углубленностью и закреплять полученные в школе знания и навыки.

При проведении культурной политики важно учитывать, что культура не только объединяет людей, но и разъединяет, потому что культуры разных этносов различны, и представителям того или иного этноса зачастую особенно дороги именно различия, что приводит, при неосторожном отношении к этому феномену, к межэтническим конфликтам, представляющим в настоящее время одну из самых серьёзных угроз национальной безопасности. С этой точки зрения имеет смысл оценить практический смысл идеи о бинарных и полиарных моделях культуры¹⁶, т.е.

¹⁶ См. об этом: Круглова Л.К. Мультикультурализм, патриотизм, бинарные и полиарные модели культуры как ориентиры культурной идентификации молодежи в условиях глобализации. Философско-культурологические проблемы идентичности в контексте современности. // Международная конференция «Культурная идентификация молодежи в условиях глобализации», - СПб.; Изд-во Политехн. Ун-та, 2010.

о необходимости включения в любую этническую культуру элементов другой этнической культуры. На практике это уже имеет место быть. Так, малочисленные народы севера, наряду с изучением своего языка, основную долю образования получают на русском языке, что позволяет им не только интегрироваться в российскую культуру, но и выходить на просторы мировой культуры. Во всех российских школах и вузах обязательно изучение иностранного языка, что даёт возможность и крупным этносам приобщаться к мировой культуре. Однако, как представляется, этого недостаточно. В целях внутрirosсийской интеграции было бы полезно, как представляется, изучение в русских школах истории культуры одного из народов России. В целях решения проблем, возникающих в связи с миграционными потоками, было бы полезно не только мигрантов обязать изучать русский язык и культуру, но и в русских школах вводить курсы по изучению истории народов Средней Азии, Закавказья и т.д.

Самыми мощными техническими средствами осуществления культурной политики являются в настоящее время телевидение и интернет, а наиболее эффективным способом её проведения представляются не запреты, а общественная и государственная поддержка всех позитивных тенденций, проектов и инициатив в этой области. В применении к интернету это кажется на первый взгляд весьма проблематичным. Однако, как показывают последние события, в том числе и мирового масштаба, слухи о тотальной стихийности интернета сильно преувеличены: в безбрежном мире интернетинформации отчётливо просматриваются направляемые, управляемые и контролируемые потоки. Если среди них будут преобладать те, которые связаны с деструктивными идеями, то это будет представлять угрозу не только национальной, но и глобальной безопасности.

Таким образом, культура, творцом и творением которой является человек, при правильно выстроенной культурной политике, представляет собой один из важнейших ресурсов национальной безопасности. Разумеется, это не отменяет необходимости энергоресурсов, сильной армии, полиции и т.д. и т.п. Однако нельзя забывать о том, что действенность всех этих ресурсов национальной безопасности зависит только от людей, от их человеческих качеств, т.е. от их культуры. Следовательно, без соответствующим образом развитой культуры общество становится безоружным перед лицом любой из грозящих ему опасностей.

АВТОРСКАЯ СПРАВКА

КРУГЛОВА Лариса Константиновна, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций.

Телефоны: 8-962-690-83-49, сл. 259-58-47, E-mail: lkruglova@gmail.com, ak@futures.ru